

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ГДЕ МОЯ УКРАИНА?..

Неотступно, повинно
Клонит голову грусть:
Где моя Украина?..
Где моя Беларусь?..

Русь ли во поле чистом,
Я ль — без рук и без ног,
Вместе ль мы — кровавистый,
Обнажённый комок?

Здравствуй, птица-синица:
Тук да тук о стекло.
Что случилось — присниться
В страшном сне не могло.

На беду ль, на погибель,
Отвечай, кто не глух:
В чём наш истинный выбор?
Где наш воинский дух?

Где казацкая лава,
Славы ветреный миг?..
В древней киевской Лавре
Скажет ласковый мних:

Слушай голос небесный,
И Ему лишь внимай.
Над кровавою бездной
Есть неведомый край

Убиенных, невинных,
Край, куда я стремлюсь...
Там — твоя Украина.
Там — твоя Беларусь.

ПОЭТЫ

Олегу Кочеткову

Воздух ласков, почки клейки,
Одиноко в конуре, —
Значит, можно на скамейке
Покалякать во дворе.

Тут устроиться сумей-ка
Без разборок и понтов —
Друг чтоб был, была скамейка,
Чтобы не было ментов.

И склонились, как над светом,
Над есенинской строкой,
Два поэта, да “с приветом”,
Нищ один, и нищ другой.

Клён опавший, дух бродяжий,
Жизнь — была иль не была?
И не грех за это даже,
Ухнув, выпить из горла.

Не иссякли бы истоки
(Живы будем — не помрём!).
Спирт разбавленный, жестокий
Заедают сухарём.

Судьбы чарами содвинем
Не за злато, не за страх.
Слово Божие над ними,
А под ними — мгла и прах...

Песни спеты, спирта нету,
Растворились без следа
Два поэта, две кометы,
Залетевшие сюда.

ЗАПИСКИ

В мире, подверженном тленью,
Каюсь и снова грешу...
Ныне об упокоенье
В церковь записки пишу.

Жаль, что свидания редки,
Члены единой семьи,
Вы — досточтимые предки,
Други и братья мои.

...В этот же миг, как о близком,
Для неразрывную связь,
Тоже на небе в записки
Впишут меня, наклонясь.

г. Москва

ГЕННАДИЙ КОШЕЛЕВ

НА ВОКЗАЛЕ

Мужик обросший, подшофе немножко —
Не в книжке, не в кино, а наяву! —
Под сиплый звон обшарпанной гармошки
Хрипит про ту солдатскую вдову...

И оттого, что горькой песней тронут,
Мне видится, как ночкой иль в лучах
Тень той вдовы всё бродит по перрону
С тем синеньким платочком на плечах...

Всё ждёт бессонно, ждёт ЕГО — законного...
И через горечь номера перронного
Тень вдовушки-вдовы внушает публике,
Чтоб мужичку вовнутрь “ларца” картонного
Бросать она не жадничала рублики...

Чтоб он, сердешный, на сии деньжонки,
С “гастролей” воротившись в свой закут,
Взял да и выпил горькой самогонки —
За тех, кто ЖДЁТ, за тех, которых ЖДУТ!

г. Барнаул

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

ПАРАД ПОБЕДЫ

Май. Парад. Не сдерживаю слёзы:
Рада мощи ядерных систем.
Были русским символом берёзы —
Стал вечнозелёный “Тополь-М”.

Он красив небесно, яркий — страшен.
Им хранима Русская земля.
Стати вековой кремлёвских башен
Подражают эти “Тополя”.

Над парадным фронтом пылкой “рощи”
Просветлели даже небеса.
Красная гудит, ликует площадь,
Провожая “Тополи” в леса.

ВЫБОР

Кода входили в бухту крейсера,
когда отец легко сбежал по трапу,
моё взмывало детское “Ура!”,
цепляя коршуна за бронзовую лапу
на обелиске в честь Погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
“Вальс Севастопольский” я пела всех слышней,
я подпевала морякам “Варяга”.
От мамы знала, помнящей войну, —
нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
кто возвратит России Севастополь!

г. Санкт-Петербург

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

ОСЕНЬ АДАМА

Посмотри-ка на листья: откуда желчь? —
Я в высокой траве видел хвост июля.
Отчего вдруг светило так стало жечь,
И пчела на цветок не летит из улья?

По утрам то развесит бельё туман,
То слегка задрожит и отпрянет хвоя.
Под ногой хрустнет ветка... Берёзы стан
Мне внезапно напомнит совсем другое...

Я впервые не верю своим глазам:
Стала красной листва на том самом древе...
Что за время нас всех ожидает там?
Что сказать мне теперь в утешение Еве?..

Он ведь так любит нас, Он — наш Отец.
Что ж прощения мы у Него не просим?..
И поэтому впредь для таких сердец
Лучше то, что потом назовётся “осень”.

Ангел встанет на страже, взмахнёт мечом,
За спиной догорит и погаснет лето.
Захлестнёт нас с тобой проливным дождём,
Редкий луч предварит в перелеске где-то.

С нами будет всегда этот летний сон.
Будет Сын насыщать нас Вином и Хлебом.
Так бродить нам с тобой до конца времён
По опавшей листве, под сентябрьским небом.

БЕГСТВО ИЗ СОДОМА

Мы сидели на кухне и пили чай,
За окном полыхали огни Содома.
Вдруг два ангела входят: “Давай, вставай
И скорее беги из родного дома!”

Я совсем растерялся: “Что брать с собой?
У меня тут иконы и книги, вещи...”
Не успел я опомниться — дом родной,
Город весь и сравнить уже было не с чем.

А ещё ведь была у меня жена:
Сеял в радость, но жал с маемой и болью.
Хоронить не пришлось: сразу памятник — на! —
Приходи к нему всяк за умом и солью.

Что мне проку теперь в дочерях моих:
Опозорен и наг пред людьми и Богом.
Поминая всех мёртвых, молю живых
Никогда не ходить по моим дорогам.

Пусть теперь я свободен, живу в горах,
Наблюдаю, как солнце над миром всходит,
Но скалистые тени о прежних днях
Между мной и Всевышним лукаво бродят.

г. Москва

ГАЛИНА ШВЕЦОВА

* * *

А по обе стороны дороги
Не раздолье, — сколько хватит глаз —
Полная надежды и тревоги
Память, исцеляющая нас.

Там, налево, речка за полями,
Тёмная, в кувшинках, гладь воды
Да высокий берег с тополями.
Домики под ними и сады.

Да ещё седьмое чудо света —
Разнотравье заливных лугов.
Капельками солнечного света
Лютики желтеют меж стогов.

Словно разноцветные салюты
Замерли над травами цветы.
Да и я совсем, как этот лютик,
От земли вкусивший теплоты.

Здесь моё коротенькое детство
Помнит каждый полевой цветок...
Скудное ли, скажете, наследство —
Памяти живительный глоток?!

г. Вологда

ЕГОР ПЕРЦЕВ

ДИВНЫЙ КРАЙ

Есть дивный край, где воздух пахнет хвоей,
Где шепчется зелёная тайга.
И, омывая берега волною,
Течёт неспешно тихая река.
А к водам безмятежного залива
Склоняют ветви дремлющие ивы.

Там, где осока кроется в тумане,
Качаются от ветра камыши.
На берегу в прохладе утром ранним
Не встретишь ни одной живой души.
Лишь плещется уклеек шустрых стайка,
И камыши тревожит криком чайка.

Где луг широкий весь покрыт росой,
Там, где ещё, как то бывало встарь,
Размашисто блестящую косою
Работает без усталости косарь,
Всё замерло, травинки не трепещут,
И лишь одна коса звенит и блещет.

Там, где держа в руках краюху хлеба,
Ты пьёшь в тени парное молоко,
И над тобою синий купол неба,
А на душе легко, легко, легко...

Карелия, Олонецкий район

ВЕРА БУРДИНА

* * *

Какая страшная размолвка,
Почти холодная война.
Шикарно-наглая Рублёвка,
Раздольно-нищая страна.
Ещё глубинке неизвестно,
Но слух дойдёт во все концы:
Опущен занавес железный
Хранить рублёвские дворцы.
Не ждали мы такого лиха,
Таких мучительных забот,
Когда в стране сгустилось иго
Демократических свобод.
О! Всероссийская воровка!
Её создатели горды,
Что дань с Руси дерёт Рублёвка,
Как восприемница Орды.
Политкорректно, но с опаской,
И на другой, возможно, лад
Признать Рублёвку как хазарский
Нью-иудейский каганат!
И правы древние: мир плоский,
Когда рассеянный народ
Привыкнет гнёт терпеть рублёвский,
Рублёво-долларовый гнёт!
Колеблется наш мир над бездной,
От алчности тускнеет свет...
Конечно, нам в глуши уездной
До дел рублёвских дела нет...

* * *

С дорог навязанных сверну,
Ничком на травы, обессилив...
Как называть теперь страну,
Когда-то бывшую Россией?

Мучительно любивший Русь,
Христопродавцев озлобляя,
Сергей Есенин через грусть
Назвал Страною Негодяев.

Теперь и нам пришёл черёд
Название подбирать всем скопом.
Поскольку русский не-народ —
Народ не числится народом?!

Вот “население страны”
Любимым стало оборотом
У власти и политшпаны,
У новорусских обормотов.

Иду по выжженной траве,
Куда теперь себя отчислить?
В гражданку некого РФ
Без роду-племени в графе
О принадлежности к Отчизне?

г. Санкт-Петербург

АЛЕКСАНДР КУВАНОВ

* * *

Трактора не пашут поле —
Нет им в поле интереса,
Ныне их иная доля —
Брёвна вывозить из леса.

Всё-то будет шито-крыто.
Бизнес модный, нет и речи.
Трактористы деловиты,
А хозяева далече.

И берёз златые нимбы
Ничьего не тронут сердца.
Работяг наёмных? Им бы
Прокормиться да одеться.

А хозяев и не спросим,
Ибо знамо — всё банально:
“Золотая ныне осень!” —
Понимается буквально.

И хохочут нувориши:
“Ну, куда он может деться?” —
Лес, любимый нами с детства,
Нас любовью даривший.

Почему же, отчего же
Рвётся стон со жгучей силой:
“Грешника помилуй, Боже,
Господи, меня помилуй!”.

Ибо всё до жути близко:
Деловито, со сноровкой
Сам любовь менял на миску
С чечевичною похлёбкой.

Ах ты, плотская потреба,
Смерти смех придурковатый...
Я стою пред лесом, небом,
Перед Богом виноватый.

* * *

Даль истории русской
Во дыму, во огне.
И Андрей Боголюбский
На горячем коне.

Величав его облик,
Небывал его груз —
Богородичный образ
Он привозит на Русь.

Тайный заговор зреет,
Тих предательский шаг,
И в палатах Андрея
Весь в крови известняк.

Ой, вы, Божии кары,
Плоть ты гордая — прах.
И летают татары
На лихих скакунах.

Стрелы лёгкие споры,
Остры копья верны,
В белостенных соборах
Лики обожжены.

По Кремлю, по посаду
Вой про горе-беду,
И пора Александру
Отправляться в Орду.

И вернуться бы надо,
Да желанья не в счёт,
Ну, а хворь или яды —
Кто ж теперь разберёт.

Дальней битвы зарницы
На Руси ль не видны?..
Вот уже и в столице
Все победой пьяны.

Белы стены готовы
Да под роспись-убор,
И Андрея Рублёва
Ждёт Успенский собор.

Краски мелко растёрты.
Написать бы суметь
Воскресенье из мёртвых,
Отменившее смерть.

Это здесь. Это рядом.
Это суть. Это соль.
Это мука и радость,
Это счастье и боль.

Как бы нет и просвета —
Только горе и грех.

Но ответственность эта —
За себя и за всех.

Русь, Россия, берёзы,
Неба плат бирюзов,
Богородицы слёзы
Да бессмертия зов...

РОДИНА

Русь — деревня, речка, поле
Да дремучий лес вдали,
Эта ширь и эта воля,
Да высокие кремли.

Этот ветер, это небо,
Выше всадника трава,
Быль, похожая на небыль,
Так что верится едва.

Бурелом, где пни с кустами,
Переплётами ветвей.
Перекличка сёл крестами
Белых — лебеди! — церквей.

Это ночь и это звёзды,
Свет их дивно неземной.
Это сирые погосты,
Освещённые луной.

Ближих там любой отыщет
И расплачется, милок.
Пискарёвское ль кладбище,
Переделкинский ли лог.

Это море в вечной сини,
Это горы в вечном льду
И огонь неугасимый
В Александровском саду.

И, как возвращенье темы, —
Знать, и впрямь кругла Земля! —
Эти сказочные стены
Сердца Родины — Кремля.

Храм Успенья — Божья Мать! —
Эта скорбь и торжество,
Это фрязь Фиораванти,
Тот, что выстроил его.

Площадь в пыли были древней,
Плавный спуск к Москве-реке...
И забытые деревни,
Там, в верховьях, вдалеке...

*д. Пантелиха
Владимирской области*

АЛЕКСАНДРА БИРЮКОВА

* * *

Какой горизонт на закате!
Затеяло солнце игру.
Подол от вечернего платья —
Как царственный шлейф на пиру.

Лучи изменяют оттенок,
Искрят позолотой края.
Светилу приходит на смену
Луна, серебра не тая.

Рассыпала горстью над лесом,
В овраг уронила чуток,
Укрыла туманом подлесок,
Лугов у реки завиток.

Планета под звёздами бродит,
В полночное небо смотрю.
Покой благодатный нисходит
На грешную душу мою.

* * *

Листок прохладный на ладони
Держу в начале октября.
Рябина в розовой короне
В подарок бросила, любя.

Замёрзла, видимо, на зорьке,
Стоит, раздета, на ветру.
Не плачет, а вдыхает только
Холодный воздух поутру.

Тревога думы навевает,
Давно мерещится метель.
“Запомни, так всегда бывает”, —
Щебечет мудрый свиристель.

Природа тихо засыпает,
Степенно погружаясь в сны.
С рябиной горькою мечтает:
“Дотянем вместе до весны”.

Подмосковье

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

ЭЙ, ЗЕМЛЯК!

Я в поколение друга не нашёл...

Юрий Кузнецов

На крылечке золотых откровений
Я лежу, как собака на сене,
Шарю в небе босою ногой.
Эй, земляк, задержишься на минуту,

Хочешь, грянем
по старым маршрутам?
Катер подан, и конь под дугой!

Конь храпит, и рыдают причалы!
Ну, смелее! Пока либералы
Не принудили смелых остыть.
В море Лаптевых льдина блистает,
Антарктида нас загодя славит,
Меж землёю и космосом — нить!

Сонмы гадов и бедственный атом
Обуздал я в столетье двадцатом,
И окно распахнул — на зарю.
Невидимый ельцинской властью,
Я, отравленный ею отчасти,
В одиночестве “Приму” курю.
Эх, земля!..
Что взять с человека,
Коль в железной истории века
Он не видит великих страниц.
Жаль их, бедных, с “поехавшей крышей”,
Перестроенных зомби-людишек,
Доживающих — плинтуса ниже! —
Этих, как их, физических лиц!..

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Кто штык точил, ворча сердито...

М. Ю. Лермонтов

Подлодки шли без всплытия — в каре,
Хрущёв Никита всматривался в волны.
Генштаб надрёмный поднял на заре
И нас, морпехов, с выкладкою полной.

Почуяв кровь, обнюхивали цель
Ракеты атлантической корриды.
Дрожал Нью-Йорк.
И пламенный Фидель
В прищуре зрел агонию Флориды.

Влезал в шинели штатовский Конгресс.
И я был сам настроен боевито:
В ладонях грел свой верный “СКС”*
И до рассвета штык точил сердито...

УВЕЛИ КОНЕЙ

Увели коней, беспредел в миру,
Распоясался злой шайтан.
Тяжко конюху, тяжко фермеру,
Хоть беги назад в Казахстан.
Там родной аул, там зари тюльпан,
Тихоструйный дым кизяка.
На коврах сидит свой кайсацкий хан —

* “СКС” — скорострельный карабин Симонова.

Бывший пламенный член ЦК.
Я пошёл на тракт и прищурил взгляд:
Катерининбург — далеко.
По обочинам жар-мангалы в ряд,
Шашлыки дымят. Эх, Гнедко!
Эх, Игренька-друг, молодой скакун,
Губы сахарны, гладок круп...
Вот кафе “Абрек”, о гранит-валун
Точит-холит нож душегуб.
Ой, шайтанский стан, кровавой шесток!
Не видать, не знать бы вовек.
Вышел главный сам, взор колюч, жесток:
“Не хады сюда, чаловек!”
И побрёл степняк, восставать не стал.
Говорил с женой: то да сё...
Объявленье дал, от руки писал:
“Продаётся дом...” Вот и всё.

г. Тюмень

*Сердечно поздравляем нашего постоянного автора,
поэта Николая Васильевича Денисова с 70-летием!*

Редакция